

Глава 1

Неприятность

Говорили, что на набережной
появилось новое лицо...

Чехов А. П.
«Дама с собачкой»

Однажды летом 1927 года на набережной города Ялты имело место чрезвычайное происшествие: из подкатившей машины — белого, замечу, цвета — вышел хорошо одетый господин, достал из кармана револьвер и без всяких околичностей приставил его к затылку девушки, которая стояла тут же и любовалась морем.

Девушка живо обернулась и, увидев сконфуженное лицо обладателя револьвера, залилась веселым смехом.

— Нет, нет, нет! — взволнованно закричал плечистый брюнет, подбегая к странному господину и еще более странной барышне, которая ничуть не испугалась вида оружия, которое, судя по всему, собирались обратить против нее. — Все не так!

Это была любимая фраза режиссера Винтера, и, услышав ее, члены съемочной группы заулыбались.

— Лёка! Побольше серьезности, ну что вы, в самом деле? Это важнейшая сцена, поймите, важнейшая! Финал первой серии... Эндрю, тьфу, Андрей! Решительней надо, понимаете? Вы же убеждены, что

девушка, которая вам нравится, участвовала в убийстве вашего отца...

Он сыпал словами, жестикулировал, даже показал актеру Андрею Еремину, как именно надо держать револьвер:

— Чтобы все зрители ахнули! Чтобы они с терпением ждали выхода второй серии... Понимаете? Чтобы они гадали, убьете вы ее или нет...

Солнце припекало нещадно.

Рубашка Винтера была вся в пятнах от пота. Оператор Эдмунд Адамович Нольде, франт и щеголь, всегда ходивший в безупречном костюме-тройке, и тот вынужден был разоблачиться и дошел до того, что снял пиджак и ослабил галстук.

Члены съемочной группы пытались спрятаться в тень, но ее было мало и хватало лишь для того, чтобы поставить несколько стульев.

Сидя на одном из них, комик Федя Лавочкин вяло обмахивался номером газеты «Известия» и, судя по утомленному выражению его круглого лица, давно исчерпал запас своих и чужих остроумий. Возле него Володя Голлербах, который играл в картине роль главного героя, уже несколько минут допивал квас, всячески оттягивая тот момент, когда в кружке наконец покажется дно.

Третьим стулом не без труда завладел немолодой гример Пирожков. Он сидел, поставив рядом с собой чемоданчик с принадлежностями своего ремесла, и терпеливо ждал, когда режиссер наконец закончит репетировать и велит гримировать актеров.

В павильоне, конечно, все были бы уже давно загримированы, но при такой жаре, которая стояла сей-

час, тон неизбежно начинал расплываться, его приходилось подправлять, и, выведенный из себя, Винтер приказал, чтобы на натуре актеров гримировали непосредственно перед съемкой.

— И когда все это закончится? — пробормотал себе под нос реквизитор Щелкунов и тяжело вздохнул. — У нормальных людей небось уже обед по расписанию, не то что у нас...

Те из съемочной группы, кому не хватило стульев, сгрудились за спинами сидящих, ловя блаженные островки и клочки тени.

У аппарата оставались только Эдмунд Адамович, его помощник Саша Деревянко с дощечкой — предшественницей современной хлопушки, на которой тогда отмечали всего лишь номер снимаемого кадра¹, ассистент режиссера Петр Светляков с грудой папок и нервничающий помреж Вася Харитонов, который застыл с мегафоном в руках.

В те времена в кино делали четкое различие между ассистентом режиссера и помощником.

Ассистент считался кем-то вроде второго режиссера и полноправного коллеги, а помощник воспринимался исключительно как мальчик на побегушках.

Но вовсе не сознание собственной незначительности в киношной иерархии сейчас терзало Васю.

Лёка была его девушкой, она недавно дебютировала в кино и воспринимала все происходящее недостаточно серьезно, что лишний раз доказывал

¹ Кадр — в данном случае отрезок эпизода между двумя монтажными склейками.

ее залиvistый смех на репетиции драматической сцены.

А Борис Винтер, как все знали, обладал вспыльчивым характером.

Вася с тревогой замечал, что Лёка плохо понимает, куда именно она попала.

Господи, ведь это же такой шанс — получить даже второстепенную роль в фильме, которой¹ суждено стать боевиком и которая уже сейчас вызывает такой интерес.

Помреж оглянулся на цепь милиционеров в белом, которые в нескольких десятках метров от него сдерживали толпу местных жителей и туристов, пришедших посмотреть на съемки.

И ладно зеваки, но ведь уже всю гуляют слухи о том, что грядущая фильма заинтересовала и немецких прокатчиков, и французов, и англичан, и...

— Эдмунд Адамович, вы позволите? — Вперед выступил импозантный Сергей Беляев, фотограф, командированный на съемки местной студией. — Сделаю-ка я ваше фото для прессы, пока солнце не ушло...

— Куда оно уйдет, — проворчал Нольде, поправив галстук и надевая пиджак. Подумав, он снял с головы белую кепку, которую не любил, но был вынужден носить здесь, чтобы не получить солнечный удар. — На небе ни облачка...

Фотограф, возившийся со своим аппаратом, усмехнулся.

¹ В 20-е годы слово «фильм» употреблялось почти исключительно в женском роде.

— Сразу же видно, что вы недавно в Ялте... Тут никто ничего гарантировать не может. Вспомните хотя бы недавнее землетрясение...

Но вспоминать о том, что 26 июня Ялту, а вместе с ней и весь полуостров порядочно потрянуло, Нольде не хотел. Как назло, он ухитрился накануне отравиться чем-то несвежим, и Винтер был вынужден в тот день отменить съемки.

— Нет, ну ты не мог отравиться когда-нибудь в другое время, а? — бушевал Борис после того, как землетрясение окончилось. — Из-за тебя мы упустили такие кадры!

— Простите, товарищ Винтер, — кротко ответил оператор, и его голубые глаза колюче блеснули. — Виноват.

Борис с подозрением взгляделся в его худое лицо, типичное для сухощавого блондина северных кровей, махнул рукой и, не выдержав, рассмеялся:

— Нет, ну ты подумай только: сколько людей гоняются за чем-нибудь таким... сенсационным! А у нас все из-под носа уплыло...

— Внимание, снимаю! — крикнул Беляев и припал к фотоаппарату.

Режиссер, закончив давать указания актерам, вернулся к камере и стал возле нее. Вася подал ему мегафон. Фотограф попросил разрешения снять Винтера и оператора вместе, но натолкнулся на отказ и отступил в тень, где стал вытирать платком выступивший на лбу пот.

— Кеша, возвращайся на исходную! — закричал Винтер в мегафон, обращаясь к водителю, сидевшему

за рулем открытой белой машины, на которой прибыл герой Еремина. — Лёка! Андрей! По местам! Репетируем...

— Вам не кажется, что все это ужасно смешно? — не удержавшись, спросила девушка у Еремина, который спрятал револьвер и готовился вернуться в машину.

Андрей обернулся, и она невольно задержала взгляд на правильных чертах его лица.

— Нет, не кажется, — равнодушно ответил актер.

Он не имел в виду ровным счетом ничего обидного, но Лёка отчего-то приняла на свой счет — нет, не слова его, а то, что ей послышалось в его интонации. Ей почудилось, что Еремин упрекает ее за то, что из-за нее им придется еще раз репетировать, а между тем солнце жжет так, что становится трудно дышать.

Хлопнула дверца — Еремин сел в машину, и Кеша, описав полукруг, отъехал на несколько десятков метров.

Закусив губу, Лёка постаралась сосредоточиться. Вообще-то ее звали Ольга, и в жизни она носила фамилию Скирда, но режиссер счел, что на афише такое имя смотреться не будет, и, ткнув наугад пальцем в карту мира, выбрал для дебютантки псевдоним Аден — по одноименному городу.

— Владимир Голлербах, Андрей Еремин, Федор Лавочкин, Нина Гриневская, — в упоении перечислила тогда Лёка Васе, — и Ольга Аден в боевике...

— Ну Гриневская-то точно будет первой стоять, — хмыкнул Вася. — Ты забыла, кто ее муж...

— Приготовились! Кеша, поехал! — загремел Борис в мегафон, после чего прильнул к глазку съёмоч-

ного аппарата, проверяя, как сцена будет выглядеть на пленке.

В толпе зевак какая-то старушка, державшая в руке пожелтевший кисейный зонтик от солнца, охнула и сделала такое движение, словно собиралась перекреститься.

— Ces gens-là me font peur¹, — пожаловалась она по-французски стоявшей с ней рядом седовласой худой даме в пенсне на черном шнурке.

— Que du bruit! — вздохнула вторая. — Je ne comprends pas pourquoi ils répètent toujours le même. Et la fille a une robe si courte...²

— Son petit chapeau blanc est assez beau quand même³, — строго заметила старая дама с зонтиком, чтобы оставить последнее слово за собой.

Лёка поправила свою белую шапочку (которая больше смахивала на панамку с узкими полями) и стала старательно смотреть на волны.

Шум подъезжающей машины. Хлопает дверца. Шаги.

— Лёка, поворачивайтесь! — закричал Борис в мегафон. — Держимся серьезно, но не переигрываем! Вот так, хорошо! Репетиция окончена...

Пирожков шевельнулся на стуле.

— Можно гримировать? — спросил он, не веря своему счастью.

¹ Эти люди меня пугают (*фр.*).

² Сколько шума! Не понимаю, почему они все время повторяют одно и то же. А у девушки такое короткое платье (*фр.*).

³ Зато ее маленькая белая шляпка довольно милая (*фр.*).

— Да, грим, и потом снимаем, — кивнул режиссер. — Руки, руки не забудьте! И вот что: Фома Лукич, шофера тоже загримируйте! Петя, дай-ка мне сценарий... Надо добавить туда пару крупных планов.

Ассистент раскрыл одну из папок и стал рыться в ней, ища нужные страницы.

Пирожков усадил Еремина на свой стул и заученными движениями стал наносить на лицо актера желтоватую смесь тона и пудры «Рашель № 2», а затем — как требовали условия тогдашних съемок — подчеркнул брови и ресницы, навел темные тени под глазами и накрасил губы.

Еремин терпел и только стоически улыбался Лёке, которая ждала своей очереди. Подошел шофер Кеша, поглядел на процесс гримировки, к которому никак не мог привыкнуть, несмотря на то что на съемках находился не первый день, и робко спросил:

— А может, меня не красить? Вряд ли кто из зрителей на меня смотреть будет...

— Ежели не красить, — строго ответил Пирожков, — у тебя кожа на пленке будет казаться темно-серой... — И он стал покрывать тоном шею и руки Еремина.

— Конец первой серии и начало второй, ну! — Борис начал сердиться на ассистента, который никак не мог отыскать нужные страницы.

— Уже нашел, — бодро отрапортовал Петя, протягивая ему отпечатанные на машинке листы, разлохматившиеся от того, что их то и дело передавали из рук в руки и вносили в них какие-то загадочные пометки.

Режиссер пробежал глазами строки и карандашом с толстым грифелем стал вписывать в сценарий исправления, одновременно кое-где меняя нумерацию будущих монтажных кусков.

Сам сценарий в то время выглядел примерно таким образом:

«675. Эндрю едет в машине.

676. Машина едет по улице.

677. Мэри на набережной, смотрит на море.

678. Машина останавливается. Эндрю выходит из машины...»

Возле номеров 675, 676 и 677 на полях почерком ассистента было написано: «*Снято*». После номера 678 Борис добавил строку 678а «*Эндрю вынимает револьвер (крупный план)*», а затем внес еще несколько изменений, которые показал оператору.

— Можно вставить вид моря после 677-го, — заметил Нольде.

— И опять план Лёки, тьфу, Мэри?

— Да, чтобы зрители начали ерзать на местах от нетерпения. — Эдмунд Адамович усмехнулся.

— А мы сегодня успеем? Мы же еще собирались заснять, как Володя с Федей бросаются на Еремина, чтобы спасти девушку. Правда, это уже начало второй серии...

— Успеем, — лаконично ответил Нольде.

В том, что касалось его работы, он не любил тратить слова попусту.

Отойдя к камере, оператор на всякий случай проверил, что пленка заряжена правильно и не преподнесет при съемке неприятных сюрпризов.

Киношники засуетились. Парикмахер Евграф Филиппович Фрезе придирчиво осмотрел пробор Еремина, убедился, что тот безупречно ровен, и кое-где добавил на волосы бриолину, чтобы их не растрепало ветром.

Фотограф Беляев снял несколько кадров, попутно заверив Лёку, что она непременно станет популярнее, чем Грета Гарбо. Реквизитор Щелкунов в очередной раз пожелал убедиться, что используемый на съемках револьвер никуда не исчез, и тут же извинился, объяснив, что отвечает за «имущество кинофабрики» и не хочет неприятностей.

— Приготовились к съемке! — с азартом закричал Борис в мегафон. Пот лил с него градом, но режиссер даже не замечал этого. — Андрей, Кеша, Лёка, на исходную!

Помощник оператора по указанию Пети написал на дощечке мелом номер снимаемого куска и сунул дощечку под объектив. Оператор на пол-оборота ручки заснял дощечку, и Саша Деревянко ловко убрал ее из кадра.

— На аппарате — есть! — крикнул Нольде режиссеру.

— Начали! — скомандовал Борис в мегафон.

Машина двинулась с места. Эдмунд Адамович припал к глазку и стал крутить ручку камеры. Сидя на стуле, Федя Лавочкин зевнул и деликатно прикрыл рот рукой.

— Хорошо нашему главному злодею Мише, лежит сейчас где-нибудь на пляже или пиво пьет, — сообщил комик Володе, доверительно понизив голос. — Я как

чувствовал, что до нас сегодня очередь не дойдет. Мише можно культурно отдохнуть, а нам нельзя. У него смены нет, а у нас есть, вот и будем тут жариться, пока не пропечемся... Эх!

Он говорил, с завистью поглядывая на красивого, отменно элегантного Еремина, который играл в фильме роль наследника миллионов, попавшего в лапы международной преступной организации.

Внешне Андрей был полной противоположностью маленького, толстенького, коротконогого Лавочкина, который в присутствии коллеги испытывал нечто вроде комплекса неполноценности.

Впрочем, Федю отчасти утешало то, что Еремина никто не считал хорошим актером, а главная звезда фильма Нина Гриневская и вовсе называла его «бревно с глазками».

Тем временем наследник миллионов Эндрю уже приставил дуло револьвера к затылку девушки в белой шляпке.

— Лёка, поворачивайтесь! — закричал режиссер в мегафон. — Вот так... Очень хорошо! Кончили!

Оператор перестал вертеть ручку.

Петя накорябал на полях сценария еще одну пометку «снято», и группа стала готовиться к съемке крупных планов.

Подчиняясь указаниям Эдмунда Адамовича, Деревянко стал переустанавливать аппарат. Пирожков сделал Лёке замечание, чтобы она не трогала лицо руками, иначе грим придется поправлять. Шоферу Кеше, напротив, было разрешено разгримироваться, потому что сегодня в дальнейших съемках он не участвовал.

Часть зевак, разочарованная тем, как буднично и заурядно выглядел съемочный процесс, ушла с набережной, и их место заняли другие любопытные.

От скуки Володя заключил с Лавочкиным пари, снимет ли нестигаемый оператор жилет: комик уверял, что нет, Голлербах настаивал на обратном. Светляков послал Васю за нарзаном для режиссера, Эдмунда Адмовича и себя, и Харитонову пришлось подчиниться.

Когда он вернулся, крупный план руки Еремина-Эндрю с револьвером был уже снят, и готовились снимать крупный план Лёки-Мэри. Несмотря на протесты Васи, две бутылки у него тотчас отняли Володя и Федя, третьей завладел ассистент, и помрежу снова пришлось идти за нарзаном. Молодой человек был так возмущен, что даже не заметил, как кассир его обсчитал на целый гривенник.

«Вот тебе и съемки на юге, — размышлял Вася, нахохлившись, — думали: Ялта, отдохнем, какой там отдых, режиссер всех загонял, из двух серий сделал три... Ну это ясно, почему — чтобы денег ему кинофабрика больше заплатила... Наверху у него поддержка, вот он и...»

Додумать свою мысль Вася, впрочем, не успел, потому что едва не навернулся на коварной ялтинской улочке, которая крутизной могла поспорить с любыми американскими горками, и чуть не выронил бутылки с нарзаном. Остаток пути до набережной он проделал, внимательно глядя себе под ноги и изгнав из головы все посторонние размышления.

На съемочной площадке он сразу же увидел, что Лёка расстроена, и подошел к ней узнать, в чем дело.

Оказалось, что режиссер был недоволен, потому что не мог добиться от нее на крупном плане нужного выражения.

— Попробовал бы он Нине Фердинандовне сказать, что у нее выражение не то... — начал Вася, чтобы подбодрить Лёку, но она только потерянно вскинула на него глаза и отвернулась.

Подошел Светляков, забрал бутылки нарзана и понес их режиссеру с оператором.

«И вот он получается молодец, — мелькнуло в голове у помрежа, — а я вроде как и ни при чем».

Видя, что Лёка не расположена с ним разговаривать, Вася увязался за ассистентом.

— Саша, что сейчас снимать будем? — спросил Харитонов у помощника оператора.

— Просто море, — ответил тот, пожимая плечами.

Нольде покосился на неистовствовавшее солнце, тяжело вздохнул и снял жилет. В нескольких шагах от него торжествовал Володя Голлербах, выигравший пари. Федя тем временем уморительно разыграл короткую сценку совершенного отчаяния, закатывая глаза, заламывая руки и закрывая ладонями лицо. (Спор был на бутылку крымского вина.)

— Саша, дощечку! — приказал Эдмунд Адамович.

Но дощечка куда-то запропастилась, и Деревянко отправился ее искать. Оператор поглядел на море, прищурился — и какое-то новое выражение появилось на его лице.

— Борис Иванович! — окликнул он режиссера.

— Да?

— Вы видите?

— Что?

Не отвечая, Эдмунд Адамович сделал несколько шагов вперед и вытянул руку, указывая направление. Недоумевающий режиссер подошел к нему и тоже стал смотреть на волны.

— Какой-то лоскут, — наконец проговорил Борис, но голос его звучал неуверенно.

— Нет, — твердо ответил оператор. — Это мертвое тело.

— Утопленник? — вырвалось у собеседника.

— Наверное, но ему там не место. Скажите милиции, пусть его вытащат, чтобы он не портил нам кадр.

Эдмунд Адамович Нольде был кинематографистом до мозга костей, и, когда он находился на работе, никто и ничто в его представлении не имело права мешать ей. Именно поэтому Борис Винтер не стал указывать оператору, насколько неуместна его фраза, а лишь позволил помрежа и объяснил ему, что надо сделать.

Глава 2

Литературные бездны

Дайте мне чего-нибудь побольше и поядовитее...

*Из фильма
«Шахматная горячка», 1925 г.*

— Татьяна Андреевна!

Тася обернулась.

К ней шел уполномоченный кинофабрики Кауфман, который сопровождал съемочную группу и, как

и подобает уполномоченному, следил за расходами и скучной бумажной отчетностью.

При рождении Кауфмана нарекли Моисеем Соломоновичем, но с некоторых пор он стал зваться Матвеем Семеновичем.

Впрочем, та эпоха видела и не такие метаморфозы имен, отчеств и даже фамилий, так что на происшедшие с Кауфманом изменения мало кто обратил внимание.

— Вы уже знаете? — спросил Кауфман, пытливо вглядываясь в лицо жены режиссера.

В светлых брюках, белых ботинках, толстовке¹, перепоясанной тонким пояском, и белой кепке Кауфман смотрелся настоящим советским франтом. Он был худ, черноволос, с продолговатым, тщательно выбритым лицом и носил роговые очки, прибавлявшие ему добрый десяток лет к имевшимся тридцати двум.

В Ялту уполномоченный привез с собой попугая, которого обожал и которому периодически изливал душу, когда рядом никого больше не было.

Положение у Кауфмана было довольно сложное — ему пришлось сменить на съемках прежнего уполномоченного Зарецкого, который обычно занимался недорогими комедиями и привык к тому, что десять статистов всегда можно заменить пятью, а еще лучше — обойтись членами киногруппы, ничего не оплачивая им за пребывание в кадре.

¹ Толстовка (в 20-е и 30-е годы) — тип носившейся навыпуск мужской однобортной рубашки, часто — с большими карманами на груди.

К величайшему горю Зарецкого, Борис Винтер ставил свою фильму с эпическим размахом и не желал идти на компромиссы, а когда режиссер стал обсуждать затраты на съемку сцены с мчащимся паровозом, который сминает застрявшую на рельсах машину героини, Зарецкий почувствовал себя совсем уж неуютно.

— А может быть, вы перепишете сценарий? — спросил уполномоченный, с надеждой глядя на режиссера.

— Зачем? — удивился Винтер.

— Ну, — промямлил Зарецкий, — видите ли, Борис Иванович, я совершенно не понимаю... Зачем паровоз? Зачем машина? Она же пострадает... лишние расходы... Нет, Борис Иванович, на это я согласиться не могу!

— Но ведь... — начал режиссер, посмотрел на лицо своего собеседника, и неоконченная фраза повисла в воздухе. — Черт возьми! — выпалил наконец Винтер в сердцах, встал с места и вышел, не прощаясь.

Зарецкий с облегчением вздохнул и вытер лоб платком в крупную клетку.

Через два дня уполномоченный узнал, что его отзывают в Москву, а прибыв туда, обнаружил, что его с треском уволили. Поговаривали, что режиссер пожаловался одной из актрис, а именно Нине Фердинандовне, на возмутительную скупость Зарецкого.

А Нина Фердинандовна не только играла в фильме главную роль, но еще и была женой наркома Гриневского, друга Ленина и старого (вдвое старше любезной супруги) большевика.

Словом, Матвей Семенович имел все основания для беспокойства.

С одной стороны, руководство кинофабрики просило его проследить, чтобы Винтер снял все в срок и уложился в смету, с другой — режиссер был гораздо на выдумки и некоторые сцены добавлял уже в процессе съемок, а это всегда означало увеличение расходов.

Новый уполномоченный поймал себя на том, что стал чаще разговаривать с попугаем, а общение с Винтером, напротив, постарался свести до минимума.

Впрочем, в Ялте было достаточно людей, с которыми Кауфман охотно общался — например, хорошеньких девушек, и будь его воля, он бы вообще обошелся без общества режиссера, который своим энтузиазмом и кипучей энергией действовал ему на нервы.

В жизни Матвей Семенович больше всего любил порядок и цифры.

Дважды два всегда равнялось четыре, пятью пять — двадцать пять, а Борис Винтер казался стихией, презиращей таблицу умножения, и потому не внушал уполномоченному никакого доверия.

Что же до жены Винтера, то Тася ничем не походила на своего супруга.

Она была хрупкая, узкоплечая и вся какая-то поблекшая. Тонкие бесцветные губы сжаты в ниточку, русые волосы не доходят до плеч, платье и то — какая-то линиялая тряпочка.

Чувствовалось, что молодая женщина махнула на себя рукой и что заботы не то что поглотили ее, а съели вчистую.

Кауфман знал, что в Ялту жена режиссера приехала вместе с шестилетней дочерью Марусей, которая, как жется, не очень крепкого здоровья.

«А все-таки лучше ей взять себя в руки, — подумал уполномоченный, глядя на свою собеседницу. — Когда в группе такие дамочки, как наши актрисы, да и не только актрисы...»

Впрочем, додумывать он не стал — все и так было ясно без слов.

— Утопленник, — сказал Матвей Семенович, когда Тася спросила у него, что именно он хотел ей сообщить. — Всплыл, когда наши снимали на набережной. Ну само собой, неприятно. Вытащили его, потом явился начальник местного угрозыска — Парамонов, кажется, его зовут. Кто, говорит, такой, почему утонул. Мы-то тут при чем, откуда нам знать? А он снимать запретил — погодите, говорит, до выяснения обстоятельств. Кто-то утонул, а мы должны страдать. Опять вот из графика выбились...

— Я поговорю с Ниной Фердинандовной, — решила Тася. — Местные власти не имеют права чинить нам препятствий.

— Да, — с нажимом промолвил Кауфман. — Конечно, Татьяна Андреевна, поговорите. Поговорите! Им-то ничего, а у нас сметы, суточные, расходы...

«Он знает, — подумала Тася, скользнув взглядом по лицу собеседника. — Знает, что вовсе не Боря жаловался наркомше на Зарецкого. Это я пошла к ней и так настроила против уполномоченного Нину Фердинандовну, что его мало того, что отозвали, но еще и вышвырнули со службы. Боря для таких вещей слишком горд, а я... Что ж, если надо, я и не на такое пойду».

— Вы уже звонили ей? — спросила Тася.

Кауфман вздохнул.

— Пытался. Но линия испортилась.

— Я сейчас заберу Марусю с процедур, — решила Тася. — А вы пришлите к гостинице машину с Кешей. Съезжу к Нине Фердинандовне, объясню ситуацию...

Матвей Семенович деликатно кашлянул.

— Она может быть не в настроении сейчас, — заметил он. — Помните, вчера, когда она приезжала в Ялгу, какой-то хулиган со шрамом ее обругал...

Гриневская жила за городом, в особняке, который до сих пор упорно величали «Баронской дачей», потому что до революции он принадлежал барону Розену. Особняк тоже был задействован в фильме — он, так сказать, исполнял роль виллы одного из героев.

— Я все же поговорю с ней, — решительно объявила Тася, вздергивая свой остренький подбородок.

Когда минут через сорок Борис Винтер вернулся в гостиницу «Россия», где жило большинство членов съемочной группы, он узнал, что жена только что уехала вместе с дочерью за город договариваться с Ниной Фердинандовной.

Итак, если миссия Таси увенчается успехом (а в этом Борис почему-то не сомневался), завтра же они смогут возобновить съемки. Ему бы радоваться, а он отчего-то не ощущал ничего, кроме вялого раздражения.

Жара и вдобавок стычка с Парамоновым, который отчего-то забрал себе в голову, что если труп найден во время съемок, то это неспроста, доконали режиссера.

Он распахнул окно, содрал пристежной воротничок и рухнул в кресло, которое издало протестующий скрежет.

Бориса нельзя было назвать толстяком, но он был крупный мужчина и, как всякий бывший боксер, состоял из сплошных мышц. Предками его являлись англичане, перебравшиеся в Россию в позапрошлом веке, и некоторые уверяли, что в лице режиссера и впрямь проглядывает нечто британское. Обычно оно казалось замкнутым и, пожалуй, упрямым, но когда Борис немного расслаблялся, с ним происходила поразительная перемена: он превращался в самого обаятельного, самого сердечного человека на свете с великолепной открытой улыбкой. Друзья обожали его, а женщины...

В дверь кто-то коротко, но решительно постучал.

— Миша, заходи, открыто! — крикнул Борис, безошибочно опознав по стуку стоявшего в коридоре.

Дверь с легким скрипом отворилась. На пороге стоял остролицый блондин лет тридцати пяти с умными серыми глазами. Это был Михаил Мельников, сценарист и по совместительству — глава всех злодеев в фильме Винтера.

— Что это у тебя? — спросил Борис, разглядев в руке гостя бутылку.

— Вино из баронских подвалов, — ответил Михаил. — Из коллекции самого Розена.

— Пф! — фыркнул Винтер. — Тебя надули.

— Ты на этикетку посмотри. — Сценарист закрыл дверь, подошел к Борису и протянул ему бутылку.

Режиссер стал придирчиво изучать надписи, морща лоб.

— Где ты ее купил? — наконец спросил он.

— В старом городе, у одного грека.

— Точно подделка, — пробормотал Борис; но в его голосе уже не было прежней убежденности. — Откроем?

— Давай.

— А за что пьем? — спохватился режиссер, ища штопор.

— Да за что хочешь.

Хотя Винтер был сильным мужчиной, пробку удалось извлечь не без труда.

Из бутылки на находящихся в комнате пахнуло сложным ароматом, в котором словно спрессовались все весны и зимы, во время которых драгоценный напиток дремал в подвале, и Михаил аж зажмурился от удовольствия.

— А ты говоришь — подделка...

— Надо Эдмунда пригласить, — спохватился Борис.

— Не надо, — мотнул головой сценарист.

— Почему?

— Он с дамой.

— Опять?

— Всегда, — усмехнулся Михаил. Оператор был известным сердцедедом, но ни одна из пассий у него надолго не задерживалась. — Ты что ищешь?

— Бокалов нет, — сказал Винтер убитым голосом, переворошив всю находящуюся поблизости посуду и едва не разбив сифон.

— Да? Ну будем пить по-пролетарски, из стаканов...

Чокнулись и выпили по-пролетарски.

Дивное вино заструилось по языку, проследовало своим путем в желудок, и Борис невольно подумал — как хорошо, что Таси с ними нет, она бы непременно сказала что-нибудь неодобрительное, что напрочь бы испортило момент. И вообще, не так уж плохо, что сегодня съемки закончились пораньше...

— За нашу фильму, — предложил он запоздалый тост.

— За нашу фильму, — кивнул Михаил.

Они сидели друг против друга за круглым столом и чувствовали, как все заботы отступают и ленивое блаженство по капле просачивается в их души.

Из открытого окна веял ветерок, снаружи копошилась и гомонила набережная, но даже шум не нарушал счастливого покоя собеседников.

«А ведь ничего этого могло и не быть», — вдруг подумал Борис. Сколько труда от него потребовал этот проект, с какими муками все продвигалось...

Впрочем, все началось с рядового вопроса одного из руководителей кинофабрики:

— Товарищ Винтер, как насчет новой фильмы? Есть отличный материал для экранизации... Боевик! Либретто уже готово. Со сценарием проблем не будет... Приключения, заграница — мне кажется, это в вашем вкусе...

Невольно Винтер заинтересовался. Его предыдущий фильм был комедией о молодом крестьянине в большом городе, и хотя режиссеру удалось повернуть сценарий так, чтобы уйти от навязших в зубах штампов, он чувствовал, что сыт крестьянами по горло. Ему хотелось приключений, романтики, размаха. Хотелось

героев, которые не будут ни крестьянами, ни рабочими, ни — если уж говорить начистоту — нэпманами.

Вскоре он заполучил для ознакомления либретто¹ и стал его читать. Но по мере того, как строка за строкой проходили перед его взором, недоумение Винтера росло и мало-помалу превращалось в оторопь.

Коротко говоря, никакого либретто не было и в помине, а был какой-то словесный фарш о героических заграничных рабочих, которые противостояли тайной капиталистической организации. Во главе ее стоял наводящий страх злодей по имени Тундер Тронк.

Вновь и вновь спотыкаясь об это имя, Винтер наконец вспомнил, что видел его раньше, и не раз, на обложках тоненьких книжечек, выходивших серийными выпусками.

Издательство словно нарочно сделало все, чтобы отпугнуть читателей чудовищными обложками, дрянной бумагой и слепым шрифтом, но его усилия не увенчались успехом. Автором книжечек значился некий иностранец Фрэнк Гризли, и хотя от одного этого имени за версту разило подделкой, публика расхватывала выпуски на ура.

Решив не полагаться на либретто, Борис отправил Тасю искать полный текст приключений Тундер Тронка, которые, как выяснилось, были недавно переизданы в одном томе. С большим трудом (весь тираж был уже раскуплен) жена раздобыла книгу, и режиссер засел за ее чтение.

¹ Так тогда называли подробный конспект будущего сценария.

Надо вам сказать, что киношники — люди закаленные и что удивить их непросто, однако автору, скрывавшемуся под псевдонимом Фрэнк Гризли, это удалось.

Текст был не просто плох — какая-то совершенно особенная, разухабистая бездарность глумливо тарасилась из каждой его строки.

Чувствовалось, что автор глубоко презирает своего читателя, что мир подвигов и романтики, о котором говорят лучшие приключенческие романы, бесконечно далек от Гризли, и что штампованные перипетии своих героев-манекенов он нагромождает чисто механически, гоня строку за строкой.

Если вначале Борис брался за книгу с некоторой надеждой, то закончил читать ее в полном отчаянии. Тут не было материала для экранизации; тут не было вообще ничего.

Для очистки совести он перечитал либретто, ища хоть чего-то, за что можно уцепиться, и возненавидел его еще больше, чем роман.

«К черту эту дрянь, к черту Тундер Тронка... Возьмись за какую-нибудь комедию».

Но на кинофабрике его огорошили сообщением, что комедий нет и не предвидится, потому что все режиссеры наперегонки снимают героические фильмы к десятилетию революции. Ну вот есть еще Тундер Тронк, а больше ничего.

Дома Борис сорвался.

От ругательств бывшего боксера дрожали стекла в рамах.